

УДК 316.334.4

DOI: 10.34670/AR.2021.58.67.010

Социальные и идеологические особенности становления современной пенитенциарной практики и пенологии

Фивейская Людмила Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Аннотация

В статье проводится философский анализ процесса становления современной системы исполнения наказания и особенностей формирования пенитенциарных наук. Пенитенциарная практика рассматривается как особый вид прикладной общественной практики, всецело определяемой теми целями и задачами, которые ставит перед ней общество и государство. Конкретно-историческая парадигма исполнения наказания вторична по отношению к базовым принципам общественного устройства и его системе ценностей. В связи с этим в статье анализируются основные особенности социальной и культурной трансформации новоевропейского общества, главными из которых являются утверждение гуманистической идеологии, рационализация и технизация общественной жизни, а также раскрываются соответствующие тенденции преобразования пенитенциарной практики. Утверждение в культуре и цивилизации Нового времени гуманистической идеологии необходимо привело к гуманизации практики исполнения наказания, переходу от карательной к исправительной пенитенциарной парадигме. Изменение целей и способов исполнения наказания привело к необходимости философской и методологической рефлексии правоприменительной практики. В статье анализируются особенности и трудности формирования пенологии как междисциплинарной науки, показывается необходимость философской методологии. Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области общественных наук, философии права, теории государства и права, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Социальные и идеологические особенности становления современной пенитенциарной практики и пенологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.58.67.010

Ключевые слова

Пенология, пенитенциарная практика, пенитенциарная наука, преступление, уголовное наказание, гуманизация исполнения наказания, Фуко М., Кристи Н.

Введение

Исполнение наказания – особый вид общественной практики, объект которой представляется крайне ограниченным и специфичным. Объект этот – не общество в целом и не его отдельно взятые структурные компоненты, но сфера антиобщественного, своего рода социопатология. Система исполнения наказания имеет дело с большой частью общества. Однако болезнь эта носит злокачественный характер, поражая общество изнутри, прорастая в его собственное тело, угрожая всему общественному организму, и поэтому представляет особую опасность, поскольку не может быть излечена простым отсечением носителя патологии. Долгое время практика наказания выводилась за пределы научного дискурса, независимо от того, носила она публичный или тайный характер. Правовую мысль в прошлом вообще мало интересовал преступник, уже проведенный сквозь все круги юридической процедуры. Способ существования человека после вынесения приговора попадал в сферу компетенции духовника либо надзирателя, но не ученого. Лишь в XIX веке «придет день, когда “человек”, открытый в преступнике, станет мишенью уголовно-правового вмешательства, объектом исправления и преобразования, окажется в центре целого ряда странных наук и практик – “пенитенциарных”, “криминологических”» [Фуко, 1999, 107].

У истоков пенологии в Западной Европе стоят Дж. Говард и И. Бентам, общественная и научная деятельность которых была направлена в том числе и на пенитенциарную сферу. В философской традиции исследования, посвященные проблеме наказания, можно найти уже в античной философии [Конегер, 2016] и далее: от христианских теологов до Канта [Кант, 1965] и Гегеля [Гегель, 1990]. Однако эти исследования носят сугубо умозрительный, категориальный характер и не затрагивают пенитенциарную практику. Последняя остается уделом юридической науки. Но уже в XX веке в западноевропейской научной мысли пенитенциарная тематика выходит за рамки узкоспециализированных юридических исследований. Практика исполнения наказаний привлекает внимание философов. Самым известным и по сей день лучшим философским исследованием в этом отношении следует признать работу французского философа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» [Фуко, 1999].

В дореволюционной России специалистами в области пенологии были ученые-правоведы С.И. Баршев, А.А. Жижиленко, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др.¹ В современной России пенитенциарной наукой занимаются главным образом ученые-правоведы, среди которых можно назвать Х.Д. Аликперова, А.А. Арямова, В.Н. Орлова, И.М. Рагимова и др. С 2015 года Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань) издает «Международный пенитенциарный журнал». Вместе с тем, надо признать, что в современной отечественной науке интерес философов к пенитенциарной тематике незначителен и проявляется в основном на категориальном уровне, мало затрагивая проблемы пенитенциарной практики, тогда как давно назревшая необходимость модернизации российской системы исполнения наказания, приведения ее к международным стандартам предполагает не только систематизацию и теоретическое обобщение имеющейся правовой практики, но и более широкий гуманитарный анализ проблем, стоящих перед системой.

¹ См., напр.: Баршев С.И. О мере наказаний. М.: Унив. тип., 1840; Жижиленко А.А. Наказание: Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914; Таганцев Н.С. Курс уголовного права. С.-Петербург, 1902; Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Типография Министерства путей Сообщения, 1889. (репринт – Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, 2000).

В этой связи представляется интересным проследить путь становления «странных», по выражению Мишеля Фуко, пенитенциарных наук и проанализировать, как этот процесс связан с коренными изменениями в западноевропейской культуре.

Социально-культурная новоевропейская трансформация

Становление новоевропейской культуры принесло с собой перемены двоякого рода. Первый ознаменован формированием системы ценностей, открыто тяготеющей к человеку как своему центру. В Новое время наконец исполняется сказанное Протагором: «Человек есть мера всех вещей»! Однако этот антропоцентризм имел совершенно особый характер, который не сразу был распознан идеологами новой культуры. Дело в том, что протагорово изречение исполнилось буквально: человек не просто стал центром мироздания, но именно его мерой. Мир, расчлененный рассудком, ставший предметом такой же расчлененной науки (предшествующие эпохи дифференциации науки не знали) предстал перед человеком измеренной или в принципе измеряемой системой бытия. Эталоном этого тотального измерения выступил человек, он же установил и масштаб. Априоризм Канта представил ситуацию Нового времени в теории, научно-техническая реконструкция мира – на практике. Наступила, говоря языком М. Хайдеггера, эпоха «поставы»², изменившая не только существо мира, но и самого человека. Именно этот, второй, род перемен оказался по-настоящему эпохальным.

В процесс эпохальной трансформации вовлекается и вся система объективного духа. Общество, следуя культуре, претерпевает двоякого рода перемены. В согласии с новой системой ценностей, формируется и в различных формах (иногда превращенных и даже извращенных) претворяется в социальную реальность гуманистическая идеология. Вместе с тем гуманизация общества приобретает конкретные черты своей эпохи, измеряющей «алгеброй гармонию» мира. Эта двойственность находит отражение в гуманитарной науке вообще, в правовых науках в частности, и уж совсем узко – в науках пенитенциарных. При этом идеи гуманизма в первые века классического рационализма, кульминацией которого становится идеология Просвещения, входят в научный оборот крайне абстрактно, как бы выпадая из действительного контекста эпохи. Человек с его неотчуждаемыми правами выступает как предустановленный эталон общественного устройства, некий предел общественного действия. Так, в правовом поле Нового времени человек переосмысливается не только как «мера вещей», но и как мера власти – власти наказывать, в частности. Однако человек-предел, человек-мера в своей абстракции содержательно крайне бедны, а лишенный конкретности гуманизм эпохи скорее декларативен, чем научен: «XVIII столетие ...предложило основополагающий закон («мерой» наказания должна быть «гуманность»), но не вложило в этот закон (рассматриваемый тем не менее как непреложный) точного смысла» [Фуко, 1999, 108].

Глубинный, и вместе с тем точный, смысл эпохальных преобразований Нового времени по-настоящему открылся для научной мысли только в XX веке, когда аналитическая мощь рассудка из виртуальной (в форме чистой науки) превратилась в реальную (в форме современной техники) силу. Если в предшествующей истории мир выступал для человека таким, какой он есть, то теперь он становится произведением человека, причем в этот производимый мир

² Gestell – “постав” (вариант перевода, предложенный В. В. Бибихиным), – новый термин, который Хайдеггер вводит для обозначения сущности современной бытийной эпохи.

включены и природа, и общество, и сам человек. Греки называли словом «*techne*» искусство, ремесло, вообще все произведенное, искусственно созданное. В этом смысле современная эпоха – эпоха техники, или технократии. В этом определении раскрывается конкретное содержание гуманизма Нового времени и одновременно становится понятным специфическое мироустройство этой эпохи. В действительности гуманизм (не термин, а именно принцип) не есть изобретение ни Ренессанса, ни Просвещения, он имманентен человеческой истории: человек всегда, в любую эпоху объективно был для себя целью. Вопрос о специфике эпохи состоит в том, какой смысл вложен в само понятие «человек». Применительно к последним историческим эпохам этот смысл определялся дилеммой – есть ли он творение Божье или произведение культуры? Непонимание специфики гуманизма Нового времени его же идеологами в классическую эпоху, объясняется рудиментарно-христианским представлением о человеке, согласно которому он изначально, «естественно» разумен. Человек как произведение, как существо, всякий раз воспроизводимое культурой, как результат воспитательных и образовательных техник осознается наукой, раньше других – философией, только в XIX, а как доминирующая тенденция эта идея утверждается в XX веке.

Основные тенденции преобразования пенитенциарной практики

Как вписана в современную эпоху та узкая область общественной практики, которую принято называть пенитенциарной, и каково в ней место и назначение одноименных наук? Область эту смело можно назвать прикладной. Она не имеет собственных целей, но всецело определяется теми, которое ставит перед ней общество в целом и государство в частности, она не генерирует собственные особенности и проблемы, но трансформирует те, которые присущи общественной системе, в рамках которой она функционирует. Двойственность эпохи, абстрактно-гуманистические идеалы которой в конечном итоге привели к власти технику, в той же последовательности и так же противоречиво проявилась в весьма существенных переменах, которые в последние столетия происходили в системе исполнения наказания.

Прежде всего, утверждение в культуре и цивилизации Нового времени гуманистической идеологии необходимо привело к гуманизации практики исполнения наказания, которое долгое время рассматривалось по отношению к преступнику как исключительно карательная мера. Процесс этот шел очень постепенно, затрагивая поначалу лишь форму исполнения наказания, но не его сущность. Первой мишенью в борьбе с карательным правосудием стали публичные казни и пытки. Причем, вопрос не стоял об отказе от казней и пыток вообще, но о неправомерности их публичности, превращения карательных актов государства в «театр» ужасающей жестокости. Борьба эта оказалась непростой и растянулась на несколько столетий. «Необходимость наказания без публичной казни и пытки сначала выразилась как крик души или негодующей природы; наказывая худшего из убийц, нужно видеть и уважать в нем хотя бы одно – “человека”» [Фуко, 1999, 106-107]. Из «уважения» к человеку в Англии в 1760 году была изобретена висельная машина, позволяющая избежать медленной агонии и схваток между жертвой и палачом. Тридцатью годами позже в революционной Франции была впервые применена гильотина. Стоит, однако, заметить: передача карающего меча правосудия из рук человека машине не может быть оценена иначе как прогресс – не только, и даже не столько технический, сколько нравственный.

Параллельный, но с временным отставанием процесс гуманизации идет и в направлении смягчения наказания вообще. Происходит постепенный отказ от пытки, по крайней мере, в

форме грубого истязания тела преступника. Наказание больше не направлено на причинение физической боли, которую преступник переживает в качестве расплаты за совершенное преступление. Исподволь происходит главная, и не сразу замеченная, перемена, в области исполнения наказания. Долгое время смягчение наказания рассматривалось только в количественном плане: уменьшение жестокости, страдания, увеличение гуманности. На самом деле эти внешне количественные перемены были проявлением более глубокого процесса – менялась направленность наказания, а вместе с этим его смысл, цель, методы. М. Фуко так определяет своего рода «пенитенциарную революцию», происходившую в Европе параллельно с политическими революциями Нового времени: «Если система исполнения наказания в самых строгих ее формах уже не обращена на тело, тогда за что же она цепляется? Ответ теоретиков – тех, кто открыл в 60-х годах XVIII века период, который пока еще не завершился, – прост. Почти очевиден. Он как бы содержится в самом вопросе. Если не тело, то душа. ...Аппарат уголовного правосудия должен «вгрызаться» теперь в эту бестелесную реальность» [там же, 26].

С этой переменой связан и концептуальный переворот в теории наказания XIX века. Если до этого наказание трактовалось либо как возмездие за причиненное зло, либо как устрашение с целью сдерживания преступности, то теперь появляются теории, трактующие наказание как средство исправления преступников. К этому же времени относится и появление на Западе тюрьмы в современном, если абстрагироваться от деталей, ее виде. С распространением тюремного заключения идея исправления преступника в процессе отбывания наказания постепенно оттесняет идею сдерживания.

XIX век отмечен проявлением общественного интереса к такой закрытой сфере, как исполнение наказания, вовлечением в этот процесс не только практических работников, но и ученых, общественных деятелей. Со середины XIX века начинают собираться международные пенитенциарные конгрессы, первый из которых состоялся во Франкфурте 1846 году. Уже второй конгресс, собравшийся в Брюсселе в 1847 году, констатирует: «Исправление осужденного как главная цель наказания – священный принцип, формальное введение которого в область науки и прежде всего в область законодательства происходит в последнее время» [там же, 393].

Идея исправления преступника, как и вообще гуманизм классического Просвещения, первоначально входит в общественное умонастроение и правовое сознание скорее на уровне деклараций, отягощенное к тому же, за неимением собственного, религиозным содержанием. Предполагалось, что тюрьма – это место, где у заключенного будет время и благоприятная возможность раскаяться в своих грехах и принять одобряемую обществом линию поведения. По мере институализации тюрьмы и распространения реформы пенитенциарного дела в разных странах, прежде всего Европы и Северной Америки, возникли вполне конкретные проблемы, для решения которых общих рассуждений об уважении к человеку и о благих целях тюремного заключения было явно недостаточно. Стало очевидно, что исправление преступника, даже в условиях тюремной изоляции вверенного своей совести и Богу, не может произойти само собой; что даже раскаяние не является гарантией исправления; что процесс исправления личности преступника нуждается в серьезном социально-психологическом сопровождении как во время отбывания наказания, так и по его завершении. Общие проблемы пенитенциарной практики сближают между собой тюремных деятелей разных стран, вызывают целую литературу докладов и исследований по пенитенциарной тематике.

Необходимость решения практических проблем, возникающих в процессе пенитенциарной деятельности, инициирует обращение к научным методам их исследования. Причем, практика

работы с заключенными не только формирует заказ для науки, но и создает необходимую эмпирическую базу для проведения таких исследований. «Тюрьма, место исполнения наказания, является также местом наблюдения над осужденными индивидами. Наблюдения в двойном смысле: конечно, как надзора, но и как познания каждого заключенного, его поведения, глубинных наклонностей, хода его постепенного исправления. Тюрьмы должны рассматриваться как места формирования клинического знания о заключенных» [там же, 363-364]. Таким образом, тюрьма не только наказывает, но и формирует систему знания, которая, в свою очередь, становится основанием для совершенствования наказания. Любопытно, что формирующаяся пенитенциарная наука ищет опору в позитивных науках о человеке. Так, третий международный пенитенциарный конгресс, состоявшийся в Риме в 1885 году, проходил параллельно с антропологическим конгрессом, и его члены имели возможность участвовать в заседаниях последнего, тем более, что одна из конференций, проводимых Бертильоном в рамках пенитенциарного конгресса, была посвящена научным способам определения рецидива путем антропологических измерений, и антропологический конгресс тут пришелся как нельзя более к месту.

Итак, налицо два взаимосвязанных процесса, сопровождающих общее преобразование социально-политической реальности новоевропейской и производных от нее цивилизаций: во-первых, приведение системы исполнения наказания в соответствие с принципами новой гуманистической идеологии, окончательно утвердившейся в Европе в эпоху Просвещения, и в связи с этим переориентация общей направленности, а, следовательно, изменение целей и средств в системе исполнения уголовного наказания; во-вторых, появление новой области научного знания, призванного обеспечить рациональное сопровождение этого процесса, – пенитенциарных наук, или пенологии.

Необходимость философской и методологической рефлексии правоприменительной практики

Зададимся вопросом: почему М. Фуко, который сам не только диагностирует возникновение пенитенциарной науки, но и детально исследует этот процесс, более того, в определенном смысле связывает с реформированной пенитенциарной практикой с ее тотальным наблюдением за человеком, помещенным в искусственные условия существования, прогресс современной гуманитарной науки вообще, – почему же он называет пенитенциарные науки «странными»? «Странность» этих наук состоит в их выпадении из общего поля научного дискурса, возможно, в силу особенности предмета исследования – и потому, что он представляет не норму, а патологию, и потому, что выступает прежде всего в своем практическом, а не теоретическом измерении. Тем не менее в последние десятилетия пенитенциарная практика все чаще становится предметом современной научной рефлексии. Так, помимо не раз уже упоминаемой нами работы французского философа Мишеля Фуко, можно также назвать книгу всемирно известного криминолога Нильса Кристи «Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца» [Кристи, 2001]. Это очень разные авторы и разные, даже разнонаправленные, исследования. Но объединяет их интегративный подход к предмету, систематический анализ фактов истории, статистических данных в контексте глобальных социальных взаимосвязей.

Системность есть принцип современной методологии, которой недостает многим современным, но уже не по духу, а по времени, пенитенциарным исследованиям. Что дает эта

методология ученому? Во-первых, необходимую степень общности, поскольку любая наука есть система законов, а не свод эмпирически наблюдаемых процессов и фактов или указаний практического характера. Именно всеобщность научного знания делает его универсально приемлемым к особым – национальным, политическим, географическим и пр. – формам, которые предмет науки всегда имеет как конкретное сущее. Потому идеи француза Мишеля Фуко, произведенные им исключительно на основе исследования становления и функционирования системы правосудия во Франции, имеют значение для правовой реальности, сложившейся на иной национальной и политической почве. Поэтому же норвежец Нильс Кристи для своих теоретических выводов и прогнозов использует статистический материал, описывающий реальное состояние американской и российской пенитенциарных систем.

Современная методология, во-вторых, позволяет ученому достичь если не абсолютной, то объективной истины. Рассмотрим указанные нами исследования. Их авторы ставят перед собой разные цели. Взгляд Фуко ретроспективен, его научный интерес сосредоточен на прояснении внутреннего, скрытого за многообразием форм пенитенциарной теории и практики, смысла той стратегической реформы системы уголовного наказания, которую она переживает по крайней мере в последние двести лет. Книга Нильса Кристи несет в себе профетический заряд. Не случайно, в первом ее издании подзаголовок заканчивался знаком вопроса – «Вперед, к Гулагу западного образца?», а во втором издании автор этот вопрос снял. Будущее, переходя в модус настоящего, внесло в исследование живые коррективы. Мишель Фуко – философ, Нильс Кристи – криминолог. Однако контекст их исследований в итоге оказывается общим. Оба автора, идя разными путями, открывают общую основу, определяющую те частные процессы в области исполнения наказания, которые составляют предмет их исследований. Это общее – индустриальный характер современной цивилизации, власть техники, проникающая во все сферы жизни современного человека, даже если этот человек находится за колючей проволокой. У Кристи это открытие прямо вынесено в название книги, содержание которой детально исследует феномен вовлечения системы исполнения наказания в гигантскую машину современной индустрии. У Фуко технократический момент не столь очевиден, но существенен. «Рождение тюрьмы» рассматривается, по словам самого автора, как «глава из политической анатомии» в общем контексте социально-политических преобразований во Франции, итогом которых стало формирование тотальной машины власти. Заметим, что термин «машина» употребляется здесь не фигурально: структура, цели, функции политического организма, рожденного технократической эпохой, вполне соответствуют определению «политическая машина». Наказание во всех его формах и деталях исследуется автором именно как инструмент власти государственной машины. Сама архитектура тюрьмы, система содержания и надзора за заключенными, труд и вознаграждение, распорядок дня и дисциплинарная муштра, дифференциация пенитенциарных специальностей, появление «странных» пенитенциарных наук – все получает свои смыслы, будучи рассмотренными сквозь призму технократического процесса.

Заключение

Что дает современная научная методология специалистам-практикам? Прежде всего, понимание сути происходящего, без которого невозможно разобраться в многообразии явлений ни в одной практической сфере, пенитенциарной в том числе. Она позволяет сотрудникам системы исполнения наказания определить статус и функции своей профессиональной деятельности в системе государства, без чего невозможно соотнести общие цели государства с

частными задачами конкретного исправительного учреждения. Она формирует современную систему знаний и стиль ментальности человека, профессиональная деятельность которого сосредоточена на преобразовании личности другого человека, – задача, которая без современного научного сопровождения навсегда останется вредной утопией. Наконец, она позволяет человеку сделать осознанный нравственный выбор и решить – имеет ли он право такую задачу перед собой ставить.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. 524 с.
2. Кант И. *Метафизика нравов* в двух частях // Соч. в 6-ти тт. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107-438
3. Конегер П.Е. Проблемы наказания во взглядах античных философов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 195-199.
4. Кристи Н. *Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу западного образца*. М., 2001. 241 с.
5. Смирнов Л.Б. *Пенологические и пенитенциарные основы науки уголовно-исполнительного права* // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13 (1-4). № 3. С. 273-281.
6. Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Social and ideological features of the formation of modern penitentiary practice and penology

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal
Penitentiary Service of the Russian Federation,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The article provides a philosophical analysis of the formation of a modern system of punishment execution and the peculiarities of the formation of penitentiary sciences. Penitentiary practice is viewed as a special type of applied social practice, wholly determined by the goals and objectives that society and the state set for it. The specific historical paradigm of the execution of punishment is secondary in relation to the basic principles of social structure and its value system. In this regard, the article analyzes the main features of the social and cultural transformation of the new European society, the main of which are the assertion of humanistic ideology, rationalization and technicalization of public life, and also reveals the corresponding trends in the transformation of penitentiary practice. The assertion of humanistic ideology in the culture and civilization of the New Age necessarily led to the humanization of the practice of executing punishment, the transition from punitive to corrective penitentiary paradigm. Changing the goals and methods of punishment execution led to the need for philosophical and methodological reflection of law enforcement practice. The article analyzes the features and difficulties of the formation of penology as an

interdisciplinary science, shows the need for philosophical methodology. The materials of the article would be useful to specialists in the field of social sciences, philosophy of law, theory of state and law, and can also be used in the educational process.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2021) Sotsial'nye i ideologicheskie osobennosti stanovleniya sovremennoi penitentsiarnoi praktiki i penologii [Social and ideological features of the formation of modern penitentiary practice and penology]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (5A), pp. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.58.67.010

Keywords

Penology, penitentiary practice, penitentiary science, crime, criminal punishment, humanization of the execution of punishment, Foucault M., Christie N.

References

1. Christie N. (2001) *Bor'ba s prestupnost'yu kak industriya. Vpered k Gulagu zapadnogo obraztsa* [Crime fighting as an industry. Onward to the Western-style Gulag]. Moscow.
2. Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of a Prison]. Moscow: Ad Marginem Publ.
3. Hegel G.V.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow.
4. Kant I. (1965) *Metafizika nraov v dvukh chastyakh* [Metaphysics of morals in two parts]. In: *Soch. v 6-ti tt.* [Works in 6 vols.]. Moscow. Vol. 4. Part 2.
5. Koneger P.E. (2016) Problemy nakazaniya vo vzglyadakh antichnykh filosofov [Problems of punishment in the views of ancient philosophers]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 4 (111), pp. 195-199.
6. Smirnov L.B. (2018) Penologicheskie i penitentsiarnye osnovy nauki ugovovno-ispolnitel'nogo prava [Penological and penitentiary foundations of the science of criminal executive law]. *Ugovovno-ispolnitel'noe pravo* [Criminal executive law], 13 (1-4), 3, pp. 273-281.